

А. ФИРКАНДТ*

МЕХАНИЗМ КУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ*

Предисловие

Внешним толчком к созданию следующего учения послужили некоторые факты из истории религии, которые являются красноречивым свидетельством жизнеспособности возникших однажды религиозных обрядов и представлений. Проблема, содержащаяся в них, расширилась для исследователя до общей, занимающей его уже в течение длительного времени. Именно ее мы обозначим как механизм культурных изменений. Кроме того, автор пытался показать на конкретном примере, каким образом наука, опирающаяся на широкую эмпирическую базу, смогла стать отдельной, не похожей ни на одну из систематических дисциплин. Обсуждение этой проблемы носит характер длительного исследования. Надеемся, вы удостоверитесь в том, что тема, затронутая нами, сколь достойна рассмотрения, столь и состоятельна. (Методы исследования мы охарактеризуем ниже.)

Предпосылкой тому послужило взаимодействие людей и дисциплин. Наша инициатива имеет сегодня благоприятную почву под собой. Порой кажется, что развитие гуманитарных наук достигло уже переломного момента, и это должно повлечь за собой подходящую нам атмосферу. Долгое время в науке проявлялось неблагоприятное воздействие разделения труда, сегодня же налицо тенденция учитывать преимущества процессов кооперации и организации, в частности при распределении проблемы между различными исследователями и дисциплинами. Особое противоречие возникает между историческими и систематическими дисциплинами. При привязке проблемы к личности, их методы и способы мышления кажутся несостоятельными. Тем ближе нам идея преисполнить этот

Фиркандт (Vierkandt) Альфред (1867–1953) – известный немецкий социолог и этнолог первой половины XX в.

* Перевод выполнен Н.А. Харитоновой по изданию: Vierkandt A. Die Stetigkeit im Kulturwandel. – Leipzig, 1908. – S. 1-4, 102-115. Русский перевод опубликован в 2000 г: Личность. Культура. Общество. – 2000. – Т. 2. – Вып. 1. – С. 199-217. В данном издании перевод публикуется с разрешения редакции журнала.

недостаток с помощью привлечения дополнительных исследователей. Но едва ли существует способ ее решения в данной ситуации. Социолог составляет голую схему, которую в дальнейшем историк проверяет на достоверность череды событий и, исправив, возвращает автору. Он переделывает ее и более достоверный вариант снова отдает историку. Такой процесс взаимообмена бесконечен, но в результате будет получена полностью оформленная работа.

Здесь нам открывается новый круг до сих пор не определенных проблем, и если приложить определенное усилие, результат непременно будет получен.

Введение

Лежащая перед вами работа подробно рассматривает общие черты человеческого духа, которые можно наблюдать как в нем самом, так и в его объективных продуктах, особенно в возникновении общества и культуры. Мы можем обозначить их как факт постоянства и выделить в них две стороны: содержательную или позитивную, и формальную, негативную. С содержательной точки зрения мы можем охарактеризовать их как факт продолжения, с формальной точки зрения как недостаток спонтанности в человеческой духовной жизни.

В возникновении культуры и истории они проявляются следующим образом. Везде, где нам встречаются новшества — возникновение новых культурных ценностей или изменение имеющихся политических или духовных творений — они имеют длинную предысторию. И прежде всего это верно в той мере, в которой они являются важным и значительным видом и в которой их появление и сохранение требует от человеческого духа работы. Для поверхностных возникновений моды, не имеющих значения, предложение, о котором идет речь, имеет существенное ограничение, но нас все же занимает этот последний вид образований.

Впрочем, это постоянство проявляется внешне и содержательно в том, что новые культурные образования привязаны главным образом к старым, уже имеющимся; никогда они полностью не возникают из ничего. Привязанность может быть заменена при этом с помощью процессов заимствования у других культур. С формальной точки зрения такое созидания предполагает наличие определенной потребности. Она возникает не спонтанно, то есть не вдруг и не непосредственно, как импровизация с полной свободой; большей частью работа разума и воли при этом относительно мала: идеально новое должно быть старым, а воля должна быть приведена в движение с помощью сильных, резких, грубых мотивов.

В популярном мнении развитие культуры носит характер непрерывных катастроф: с помощью неожиданных всплесков и гениального вдохновения где-то возникают — но нельзя понять, почему именно здесь и сейчас — новые образования. Совсем иначе у социологов: основная сила общества для них — это сила упорства. Даже там, где она прерывается, ее деятельность не отменяется, а только ограничивается; она входит в процесс нововведений как существенная сила. Каждое большое достижение раскладывается на сумму огромного количества малых элементов, или, по меньшей мере, имеет ее предпосылкой. Только беспрерывное накопление малых побуждений образует достаточную основу для выявления и зарождения нужного результата.

Изучение исторической или общественной жизни имеет основой мысль, что все большое основывается на накоплении малого, аналогично и то, каким образом естественные науки на пороге нового времени создали далеко идущий инструмент познания. Существование влиятельных людей должно не оспариваться, а только уточняться в своем значении: они действуют не без внешней предыстории, а их достижения содержат в себе внутреннюю предысторию.

Последнее — это только специальный случай того постоянства, какое владеет и духовной жизнью. Мы можем обозначить это постоянство исторической структурой человеческого сознания. Его существо состоит из того, что каждый единичный процесс в сознании определяется не через возбуждающий внешний раздражитель, — то есть через теперешнее впечатление, а через целый ряд прошлых переживаний и впечатлений. Все эти процессы воздействуют на общие стороны сознания, и с помощью этого, вероятно, принимаются в связи с врожденной склонностью индивида к индивидуальности.

Уровень этой исторической структуры растет с возрастанием общей индивидуальности, — с негативной стороны постоянство возникает как недостаток инициативы или спонтанности: давление традиций, подражания, привычки господствует как в практической, так и в теоретической областях человеческого сознания на более высоком уровне, чем это представляют. Способность инициативы в мышлении и действии ничтожно мала, а давление в обеих областях больше, чем это воспринимается.

Этот закон постоянства позволяет нам в связи с остальными определенными фактами создать четкое представление о возникновении и изменении культурных ценностей. Особенно мы увидим, что для культурной перемены необходимо наличие сразу трех условий:

— определенной зрелости, которая относится как к уровню культуры в целом, так и к определенной области, в которой происходит перемена;

– необходимости возрастания требований, которые гарантируются существованием довольно сильных мотивов;

– и, наконец, инициативы к творчеству у индивидов, стоящих у власти (последнее может быть замещено процессом заимствования из других культурных областей).

Мы можем различать первые два момента как внутренние условия, и последний – как внешние. Там, где не установлено влияние лидеров или чужого народа на процесс развития, мы можем определить зрелость как внутреннюю диспозицию скорее сознанию, чем внешнему миру; как мы впоследствии сделаем в области предистории и этнографии. При этом мы увидим, в каком смысле можно или же нельзя говорить о случайном изменении.

Отрицательно его господство может проявиться в спонтанности, инициативы *ex nihilo*: каждое новшество определено имеет далеко идущие первопричины, которые мы не всегда в состоянии распознать.

Напротив, можно говорить о случайности в смысле иррациональности исторической жизни. Она подтверждается вдвойне. С одной стороны, в насильственной роли исторического влияния ранних обстоятельств, которые в процессе становления действуют там, где наивное восприятие не оставляет никаких следов от истории, и где содержание противопоставлено действующим сегодня убеждениям, ценностям и тенденциям. С другой стороны, она предоставляет дальнейшее поле деятельности для не поддающемуся учету господства внешних побуждений, поскольку они сталкиваются с внутренними диспозициями при появлении новшеств; они могут войти и остаться; при этом поводом может послужить как первое, так и второе.

В предшествующем обзоре главного содержания нашего исследования мы уже обозначили диспозицию в целом. Материал мы разделим на три части. Первая будет содержать некоторое число подтверждений господства закона постоянства в области этнологии и истории, а также включать несколько вопросов, при которых точно определенные результаты или признанные взгляды соответствуют развитому здесь принципу. Он носит для нашего исследования индуктивный характер. Вторая глава возьмет за основу духовную жизнь, она будет частично индуктивного, частично дедуктивного характера. Третья, рассматривая закон постоянства достоверно, будет дедуктивной, выделяя из него некоторые следствия. Она будет обсуждать механизм культурных изменений и некоторые, связанные с ним вопросы. Итак, первая часть носит экономическо-исторический, вторая – психологический, а третья – социологический характер.

Принцип постоянства можно рассматривать как эмпирический закон. В большом количестве случаев историческое исследование прино-

сит удовлетворение, реже удается установить его господство в духовной жизни. Отсюда можно ожидать, что наш принцип универсален прежде всего для духовной жизни, зарождения культуры. Но все же комплексный характер его содержания, как и размытое ограничение используемых в нем понятий вещественных или тесно связанных культурных благ, действует только для них, запрещает исходить из чисто эмпирического закона. Его значение в том, независимо от интеллектуальной ценности, что он предлагает удобную формулу для представления фактов в области исторических дисциплин, для исследования одновременно, мы надеемся, имеет определенную ценность¹.

Механизм культурных изменений

Сохранение культуры

Наше социологическое повествование мы должны начать с вопроса, на чем основывается тенденция к сохранению возникшей однажды культуры²? Таким образом, мы получим, с одной стороны, разъяснение по поводу предмета нашей подтемы, а именно об устойчивой тенденции к возникновению институтов, а, с другой стороны, нам станет понятна вся полнота проблемы, необыкновенные трудности каждой культурной перемены. Чтобы уловить суть нашего вопроса, мы должны пояснить, что каждая культура представляет собой совокупность устоявшихся форм. Думая о языках, обычаях, нравах в науке и технике или в государственных и социальных положениях, об искусстве, экономике и религии, мы думаем о жестких путях в культурных проявлениях, в которых проявляется совокупность. Можно еще добавить: культура состоит из ряда объективных образов, которые отделены от произвола и случайных влияний индивида, во многом она противостоит ему как данная и вынужденная власть (сила).

При ответе на этот вопрос будем различать две группы сил: *социальные* и *вещественные*. *Первые* происходят благодаря контактам индивидов и держатся, в отличие от особого содержания отдельной культурной формы, полностью индифферентно, *последние* же произрастают именно из содержания и основываются частично на пользе, целесообразности или допустимости, частично на логических, этических или эстетических мотивах. Главный вопрос — возможно ли такое деление на группы, так как

¹ Основную идею этой работы автор описывает в разделе о развитии потребностей в Zeitschrift für Soziologie. — № 6. — S. 161-167, 166f. См. также: Fox L., Rivers P. *The Revolution of Culture and Other Essays*. — Oxford, 1906. — № 7. — P. 36, 48f & the rest.

² Подробный ответ на этот вопрос в сочинении: Philosophische Theorie Wundts. Bd. 20. — S. 407-455.

особый образ действия присущ этим вещественным силам, а, кроме того, они зависят от культурной среды. Именно для этой цели разделение все-таки выполнимо и даже необходимо: последнее — потому, что обе группы действуют с разной интенсивностью, именно вещественные силы уступают по силе социальным гораздо больше, чем это предполагается. Это является четким указанием на упорство возникших когда-либо культурных форм и сопротивление, которое они оказывают каждой инициативе, переросшей в напористое сопротивление.

Начнем с группы социальных сил. Рассмотрим сначала такого человека, который в своей молодости в общем и целом адаптировался к своей культурной среде, однако, в профессиональном плане — лишь частично. Здесь можно особо выделить огромную силу давления на него развитых индивидов. Популярное точка зрения совсем не учитывает это. Считается, что каждое рассматриваемое предположение, утверждение, каждое непроизвольное подражание примеру, каждое непосредственное выражение чувств является чем-то ненормальным, что можно объяснить только исходя из данных особых обстоятельств, может быть из сужения сознания или по аналогии. В действительности же — все наоборот: каждое выраженное убеждение имеет тенденцию к безусловному принятию; и также обстоит с каждым очевидным вызовом, каждым совершенным поступком и каждым объявленным настроением. У них есть тенденция давать резонанс, но лишь до той поры, пока противоположные силы не оказывают никакого влияния; такие силы могут быть заложены либо в других влияниях, либо в состоянии сознания данного индивида.

Итак, чем меньше развит человек, тем сильнее он подвержен влиянию примеров, традиций, авторитетов и внушений. Так как эти влияния, поскольку речь идет о сохранении культуры, целиком заложены в том же направлении, то они должны постепенно опираться на определенные внутренние позиции или же выстроить ряд внутренних диспозиций. Таким образом, к предыдущей силе у готовых к этому людей присоединяется вторая сила. Она и вытесняет ее с ведущих позиций, а именно — сила практики и привычки: причем подразумеваются не только практические, но и теоретические процессы, происходящие в сознании, как, например, мышление или привычка получать точное впечатление от таких же определенных форм поведения.

Мы видим, как каждая культурная система под влиянием этих сил вызывает целый ряд позиций, которые имеют тенденцию удерживать единичное в традиционных рамках.

Следует при этом подчеркнуть, что на практике при освоении наших культурных форм речь идет реже об абсолютно неподвижных случаях, а

чаще — преимущественно о пластичных механизмах, элементы которых совпадают от случая к случаю, но их надстройки изменяются. Учение, о котором идет речь, сочетает в себе определенное количество самостоятельности, кроме специальных случаев, способность поступать в данном конкретном случае по аналогии с похожими. Четче всего это показано в области языка, где традиционная форма склонения одного слова применяется к другому, которое услышано в первый раз, даже когда прямое влияние традиции исключено.

Здесь вступает в силу дальнейший ряд формальных факторов, которые относятся к потребности в деятельности индивида и его самолюбию. Последнее действует преимущественно в виде учета общественного мнения, которое, как известно, с пренебрежением воспринимает любое отклонение от принятых норм или правил. Аналогично действует и групповое сознание или чувство принадлежности к группе: каждое своеобразие культуры, с помощью которого одна отличаются от другой, имеет свое значение, заложенное внутри его, из чего следует возрастание дальнейшего побуждения к сохранению, как у действующих лиц, так и у зрителей. Кое-где возможны чужие влияния, например, в моде, украшениях, спорте, там, где проникает тщеславие, даже если и повышается уровень достижений. То, что уважение к чужому успеху присоединяется к страху перед возможным ущербом, не требует лишних доказательств.

Наконец, имеет значение и радость от действия, его возможности и самосознание: только что рассмотренный механизм влияния поставляет индивиду удобный материал, с помощью которого эти чувства могут быть удовлетворены; и, делая это, они дают дальнейшие силы, способствующие сохранению возникшего однажды состояния.

Наталкивая все ранее описанные силы еще на раннем этапе на индивида в рамках возникающей культуры, они одновременно проникают, таким образом, во всю его духовную сферу: способность спонтанности, инициативы, самостоятельности, которая ничтожна без этого, становится еще более размытой соответственно общим предложениям о том, что способности могут развиваться лишь в случае их последующего применения и за его недостаточей отмирают. Интересно, как указать на противоположность такой ситуации, в которой сила традиции отступает перед принуждением ориентироваться в новых отношениях. Практика колонизации показывает уже известные типы, одновременно она показывает, как сильна в таких случаях способность самоориентации. Вероятно, при этом присутствует такой выбор, что индивид, способный к таковой, в общем, получает лучшее социальное положение и большее влияние, чем противопоставленная ему природа.

Теперь мы обратимся к группе *вещественных мотивов*. Здесь мы различаем *тривиальные* и *идеальные* мотивы. К первым относятся влияние приятного и полезного, к последним — полезное в какой-то мере, но не требующее особых интеллектуальных достижений. Значение наслаждения описывается во многих видах обычаев. Польза же, прежде всего, рассматривается для институтов техники и экономики, где необходимо еще и наличие интеллекта. Сюда же относится и возникновение обычаев, права и морали, целесообразность которых проверена. Но ей, конечно же, не нужно при этом проникать в сознание как отдельное представление, а скорее достаточно влияния на поступки, а полезного действия на пути репродукции с помощью содействия чувств.

При действенности мотивов, о которых идет речь, следует разделять их на *причастные* и *непричастные*, — это обозначает: на действующих и зрителей, или индивида и группу. Как правило, например, обычай будет исполнен индивидом или несколькими индивидами в том случае, если остальные с помощью своего морального давления настаивают на этом. Повторно это произойдет, когда удовольствие и польза придутся на зрителей, в то время как сами действующие лица, если они вообще есть, добиваются этих благ ценой жертв; при этом определяется давление со стороны группы и оно оказывается совершенно не лишним. Интересно все же выяснить, как чередуются роли действующих лиц и зрителей, и как таким образом каждый индивид взролеет, чувствуя в данном случае силы.

Группа высших, идеальных мотивов действует преимущественно при сохранении форм искусства, науки, морали, обычаев, прав и возникающих из их взаимодействия социальных институтов. В данном случае речь идет о так называемых логических, этических или эстетических мотивах.

Мы выделили при этом определенные мотивы, которые вытекают из дополнительного напряжения нашего сознания по отношению к данной действительности. Каждый знает по своему собственному опыту, что он в состоянии найти рациональные причины для какого-либо действия или объяснения, к которому он принуждается извне; сам он, как правило, думает о реальности, в действительности же они возникли только как фоновые, и не влияют на его действия. Но все же они могут вследствие смешения или из-за очевидной связи с самолюбием сыграть свою роль при повторении одного и того же действия задним числом. В частности, мы наблюдаем это неоднократно там, где речь идет о сохранении форм так называемых культурных благ. Произвольные теории моды пересекаются с логичными, либо нелепые из области одежды или архитектуры с эстетическими аргументами таким способом, который носит штамп дополнительного приспособления. В таких случаях самооправдание идет на-

встречу подозрению в бессмысленности и безвкусице. Опять же, из-за их отношения к самолюбию, убеждения и оценки, как фоновые, могут стать новой опорой для настаивания на выбранном пути; но они относятся, очевидно, в дальнейшем к вещественным мотивам.

То, что среди них встречаются настоящие вещественные мотивы идеального характера, не требует доказательства; но мы должны остерегаться от их переоценки. Главным образом, нельзя менять местами грубые интересы – профессиональные, объединений и партий, которые занимают в этой сфере широкое пространство. Слабость их Деятельности проявляется особенно в следующих трех группах фактов. При этом мы рассматриваем преимущественно состояния нашей собственной высокоразвитой культуры, из которой вытекают прочие типы, имеющие глубокие корни а *forteriori*. Во-первых, история показывает нам, как мы рассмотрим ниже, что новые институты никогда не возникают только из идеальных мотивов; из этого можно заключить, что их сила даже позже остается ограниченной. Во-вторых, мы постоянно переживаем то, на какие трудности наталкивается стремление большей рационализации наших отношений, большей меры целесообразности, логики, вкуса и морали. Стремление приспособиться и провести реформы никогда не смогло бы найти такого огромного сопротивления, если бы действительно идеальные вещественные мотивы представляли собой в жизни реальную движущую силу. В-третьих, непосредственное наблюдение повседневной жизни показывает нам относительную слабость этих мотивов.

Если бы люди думали о недостатках в логике, которые смогли бы изменить образ мышления в повседневности самого ученого; о широком пространстве, которое занимает эгоизм в частной жизни, так называемая безнравственность в общественной жизни; наконец, о неспособности самостоятельной эстетической оценки, которая присуща большинству людей! Если бы люди представили себе, что произведения Шекспира только в наше время, наконец, проявятся из неизвестности, и ни один из влиятельных людей не выскажется за их ценность для культуры – как много людей самостоятельно уяснили бы для себя их значение?

Могут ли отсутствовать вещественные основы? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, уясним сначала для себя, как же подразумевается их эффективность. В формальном смысле следует различать *две возможности*: они могут быть доказаны, либо оставаться недоказанными. В том, что последнее возможно, мы убедились выше, когда говорили о том, что, как правило, целые ряды предыдущих воспоминаний влияют на душевные состояния индивида, не доходя до сознания. Так, например, художник создает на основе многих предыдущих наблюдений отдельные про-

изведения, не думая сам об этом (не подозревая этого). С содержательной точки зрения вещественные основы могут возникать либо традиционно, либо основаны на реальной ситуации: они могут быть переданы либо вместе с возникающими образами действия, ценностями или убеждениями, либо реальная ситуация может вызвать соразмерную ей реакцию. Нас здесь интересуют только те случаи, в которых мотивы остаются не доказанными. Невозможно точное представление об их существовании или несуществовании.

Мы перешли к завершению. Прежде всего, мы обладаем точным обозначением в поведении вариаций до сих пор существующих отношений. Целесообразное поведение по отношению к таким раздражителям, которые находятся в привычных рамках, может иметь причину и в себе, как в достаточно узком контакте с внешним миром, так и в обычной привычке. Какое из двух является случаем, выяснится лишь при изменении раздражителя: в одном случае наступает привыкание, в другом случае проявляется упорство.

Когда, например, возникший однажды и ставший привычным научный метод используется тогда, когда проблема имеет другую природу, когда его нецелесообразность выявляется и найдены лучшие пути ее решения, тогда говорят о недостатке контактов и о том, что следует выявить ошибку вещественной причины. Даже там, где церковный ритуал претерпевает изменения во внутреннем состоянии души верующего, который больше не является им, когда, наоборот, какие-либо меры безопасности на железной дороге заменены какими-либо другими формами, после того, как были предъявлены претензии на гарантии или же найдены лучшие средства, там существование вещественных причин не может подвергаться сомнению.

Однако этот критерий перестает действовать там, где исключены такого рода перемены отношений, как, например, случай с большинством обычаев естественных народов. Здесь мы ограничены чисто дедуктивными соображениями; мы должны довольствоваться теми фактами, которые уравнивают друг друга, и одни из них основываются на образовании упомянутых мотивов, другие же на их исчезновении, тем самым оттесняя предыдущие. В последнем отношении мы рассматриваем общую тенденцию к сокращению вещественных основ, которые связаны своим состоянием как с привычками, так и с традицией. Каждая привычка способствует, как известно, выработке автоматизма: продолжают свое существование привычные образы действия, соответствуя своим эффектам, в то время как постоянство воли и почти все чувственные процессы и больше всего интеллектуальные – уменьшаются. Аналогично действует и ме-

ханизм для передачи культурных благ из поколения в поколение: здесь тоже запоминается больше всего образ действия, менее — первоначально несущие его чувства, и менее всего — теоретические основы этого. Четче всего это сокращение можно увидеть в культурных новообразованиях руководства, в большом стиле: от их задумок, тенденций, эффектов теряется большая часть уже при первой попытке воплощения инициативы в жизнь.

Тенденции к исчезновению вещественных причин противостоит другое — противоположное направление. Во-первых, дело в том, что действует видимое достаточно сильное давление в последнем случае. Во всех вещах, которые достаточно важны, чтобы увлекать достаточное количество интереса и внимания, вышеупомянутый контакт с реальностью так просто не исчезнет; об этом позаботятся уже скрупулезные выводы, которые имеют лишь маленькую погрешность. Прежде всего это касается нашей высокоразвитой индустрии, для которой важнейшим требованием жизнеобеспечения является огромная гибкость по отношению ко всем внешним проявлениям. В роли давления действуют и критика, и дискуссия, как нам показывает эти явления *общественная жизнь*. Они тоже исключают возможность полного отсутствия вещественных мотивов. Во-вторых, тенденции увеличатся за счет преодоления окостенелости и включения, как уже указывалось выше, процессов перемен: они действуют на сознание как один из видов пересмотра всех относящихся к данному вопросу отношений. Каждое изменение в трудовых отношениях на фабрике, например, или каждое усовершенствование средств защиты на ней с помощью новых открытий, освежает контакты с реальностью. И чем теснее связь друг с другом культурных благ, тем большие круги охватывают эти эффекты давления и перемен. В этом же смысле, в-третьих, действуют и те вторичные причины дополнительной адаптации и самооправдания, о которых речь шла выше. Пользуется, например, соотечественник каким-нибудь полностью бессмысленным и якобы угрожающим здоровью рудиментарным обычаем, так это из-за того, что он легко внушил себе в каком-то смысле его пользу: в действии ощущается дополнительный мотив.

На наш вопрос, могут ли полностью отсутствовать вещественные мотивы, мы теперь можем дать в ограниченном смысле положительный ответ. На деле мы можем выделить два типа, в зависимости от того, действуют эти вещественные причины или нет.

Популярный образ мышления уже не говорит об одном, но в то же время еще оспаривает существование другого. Честно говоря, речь идет здесь при точном рассмотрении о менее резком контрасте, чем о значительном различии степеней. Дело в том, что еще должно остаться сомнение, может ли когда-нибудь пойти речь о полной нехватке вещественных

основ. Даже при абсурдной моде наступает только что упомянутый момент убеждения. Вероятно, о втором типе говорят, что дух в нем по большей мере жив в частности, но не целиком. Например, сегодня наши гимназические знания находятся в состоянии окостенения, после того как первоначальные намерения ученой школы потеряли свои жизненные силы.

Однако следует сказать, что и сегодня названные цели, — как и формальное образование в большинстве случаев, так же как и огонь на почти обгоревшем здании, — существуют, если уж они определяют общее поведение и действия не только у индивидов, но и у всей организации в целом.

Следующее заключение является результатом этого наблюдения: вещественные мотивы возникают очень слабыми по сравнению с социальными; в большинстве случаев они — недоосознанны. К тому же ими овладевает непрерывная тенденция к исчезновению; победит ли она их полностью, сказать трудно, может быть, это происходит редко или вообще никогда. При этом интенсивность побуждения в каждом индивиде сильно колеблется. С одной стороны, она не одинаково развита у различных индивидов; особенно влияют профессия, образование, личностное развитие и способности. Можно сказать, что приближенные к сильным мира сего лица в этой связи имеют преимущества. С другой стороны, существует временное изменение интенсивности, причем, скорее не столько для индивида, сколько для всей группы. Вещественные мотивы исчезают частично или полностью при стабильных отношениях; дремлют ли они или отмерли, можно определить только при смене отношений. Повсеместно эти мотивы, во всяком случае, подавлены или оттеснены грубыми социальными мотивами. И все же они достаточно сохраняются при общей гибкости, чтобы в решающий момент снова стать действующими.

В этом двустороннем взаимоотношении открывается нам удивительная целесообразность механизма человеческой культуры, которая заслуживает полного внимания с нашей стороны, и значение которой заложено в экономии. Возвращение, о котором идет речь, возникает как неизбежное следствие насильственных натянутых отношений, как это обстоит между духовным содержанием культуры и работоспособностью человеческого сознания. Дело в том, что повсюду мы должны строго различать объективное и субъективное содержание культуры.

Объективно говоря, каждая культура возникает как сумма целесообразности, интеллекта, заботы о вкусе, морали и опыте, которая приняла как бы определенную форму. Четче всего это выявляется в области науки, техники и экономики.

Такая концентрация планомерности, заботы и размышлений, короче рациональности, олицетворена в направлениях фабричного производ-

ства, либо при диспетчеризации железнодорожных составов. Аналогично и для методики науки технического или эстетического состояния в строительстве: чувство целесообразности используется, с одной стороны, для проведения исследований, с другой стороны, для намерения сделать практичные и со вкусом постройки. Но этому объективному положению дел ни в коей мере не соответствует субъективное противопоставление: сознание индивида далеко удалено от того, чтобы быть четким и всеохватывающим зеркальным отображением содержимого.

Ученый, например, едва ли будет в состоянии поддерживать рационализм, который заложен в его методике, постоянно руководить им, не всегда следуя обычаю. Это традиционно для языка или прочих культурных благ.

Нам ясно, что человек местами превосходит сам себя благодаря культуре. Кроме того, как было упомянуто выше, мы уже знаем маловероятность того, что в частной жизни ученый проявляет логичность, художник — свой развитый вкус, техник или производитель — хоть какую-то рациональность, которые проявляются в их профессиях. Можно выразить все это в одной формуле: не культура подстраивается под индивида, а индивид опирается на нее, и она, в благодарность за это, поддерживает его целенаправленные начинания. Культура народа, таким образом, является объективным образованием, существующим без вмешательства индивидов и являющимся системой форм, сил функций и процессов, которые человек использует на службе и формирует для своих целей. В этой объективности, заметим, между прочим, лежит последняя причина для известного возникновения подвижности мотивов, для того усиления убеждения вызванным состоянием дел из-за появления грубых мотивов в нашей жизни. Мы уже привели несколько примеров по этому поводу: индивид, которому нужны внешние стимулы, находит их в возникающем механизме культуры, которая, прежде всего, влияет принудительно на внешнее поведение и, исходя из этого, постепенно проникает в его внутренний мир.

Различные типы культурных изменений

Мы должны дифференцировать различные подходы дихотомическим образом между определенными типами культурных изменений. Для упрощения мы хотим привести эти различия и объяснить их:

1. Критерий различия по тому, была ли *заимствована* культурная переменная или же она *возникла независимо* от того, говорим ли мы об окультуривании или о полной культурной перемене. Повод к такому различию заложен в чрезвычайном значении, которое имеет первый из двух перечисленных процессов для развития культуры народов.

2. Следующее различие – между *постоянными* и *непостоянными* культурными переменными. При этом мы можем говорить о фактическом положении дел: многие новые образования развиваются шаг за шагом при постоянном переходе от старых, многие возникают неожиданно. Такой контраст можно найти и в области психологии: здесь тоже может возникнуть новообразование собственно творческих достижений или постоянных шаг за шагом изменений состояния сознания. Такое различие существует и в области социологии: либо один влиятельный человек может сыграть видную роль в изменении, либо можно рассматривать большее число индивидов, не выделяя ни одного из всей массы. В одном случае контраст между ведущими и ведомыми людьми, очевидно, больше, чем в другом. Три приведенных здесь различия не всегда разделяются четкими границами. Однако, по большей части, существующие различия соответствуют только что упомянутым³.

3. Наконец, выделим различия между *существенными* и *не существенными* культурными ценностями – позиция, которую мы оспаривали выше, когда речь шла о силе вещественных мотивов при сохранении культуры. Они, как мы видели, гораздо сильнее там, где конкретные культурные блага оказывают определенное давление на индивида, и где он срастается с огромным числом ему подобных, чем там, где обе эти черты отсутствуют. Наряду с пользой или органической солидарностью, может иметь значение и частота употребления вещественных культурных благ. Из природы этих различий вытекает, что тенденция к упорству – гораздо сильнее у существенных, нежели у не существенных культурных благ, что случай у последних может играть при перемене гораздо большую роль, чем у первых. Для языка в этой связи неодинаковое поведение словарного запаса и грамматики уже давно известно. Для религии в определенных границах действует то же самое при различии учения и ритуала, для изобразительного или прикладного искусства – при определении взаимосвязи между стилем и материалом. Г. Тард попытался определить различия между словарем и грамматикой в целом ряде культурных образований⁴.

³ На первый взгляд может показаться, что сделанное нами различие между постоянными и непостоянными культурными изменениями входит в противоречие с основными идеями учения, а именно с господством принципов преемственности. По этому поводу следует заметить, что это не так. Конечно, все зависит от понимания конкретного смысла, который связан с употребленными понятиями преемственности, скачков и творческих успехов. Непрерывность означает лишь образование не из ничего, в то время, как внезапный всплеск в культурных изменениях или творческий успех сознания имеют основой под собой предысторию.

⁴ Tarde G. *Les Lois de la Imitation*. Ed. 2. – P., 1899. – P. 190.

Видно, что речь здесь идет о контрасте не между различными областями культуры, а между двумя видами образований внутри той же самой, от которой идет разветвление на разные типы: одни — более поверхностной и внешней природы, другие более связаны с внутренней природой. Мы можем применить к этой группе понятия моды на различные языки в повседневной жизни, которые обозначают внешние и, поэтому, легче изменяемые образования. К ним также относится и область экономики. Граница между ними не тверда; кроме того, она различна у всех народов. У австралийских аборигенов, например, мы должны причислить к ним ряд обычаев, связанных с бракосочетанием внутри племени, из-за легкости, с которой происходят контакты с другими племенами, из-за не существенных благ. Далее прервем наше ограничение благодаря процессам развития, как при усовершенствовании, так и в обратном направлении. Велосипед и автомобиль — два сходных примера по отношению к настоящему времени.

Также и склонность немецких студентов в позднее Средневековье изучать римское право была первоначально ни чем иным, как данью моде. То же самое и у древних римлян, которые считали растения предметом роскоши, а сейчас они являются лишь необходимостью. Вообще для развития экономики типичен переход от радости обладания благом до его необходимости. Культурные блага могут утрачивать свое значение, не исчезая сразу. На этой стадии в Англии существовали дуэли до тех пор, пока они не были устранены верховным указом. Спорт и игра захватывают и взрослых, и детей до тех пор, пока последний не окажется впереди первого⁵.

Важное различие существует между *осознанными* и *не осознанными* переменами. Всегда до сих пор мы считали, что перемена протекает осознанно; на самом деле это лишь тот тип, который мы в дальнейшем преимущественно или исключительно будем иметь в виду. Наряду с ними неосознанные перемены занимают широкое пространство, как мы это примем, особенно там, где неизменность форм опирается на силу традиций и привычек, не будучи подкрепленной объективно, например, с помощью письменных свидетельств или технических инструментов. В этом случае верность повторений опирается на память. Но, насколько безупречно она функционирует, нам уже известно достаточно; на более ранних этапах — может быть (экспериментальных подтверждений тому нет) еще значительно сильнее. При таких культурных ценностях как ритуалы, обычаи, песни, танцы или мифы, мы должны, по большей мере, предпола-

⁵ На то, что детские мифы имели своим истоком религию, обратили внимание сравнительно недавно.

гать возможность неосознанной перемены. Особенно там, где образования привносятся извне и не являются типичными для состояния сознания конкретного племени. Мифы, например, независимо от возможных или вероятных недоразумений при первом восприятии, спустя некоторое время ассимилировались, также как остальные однородные материи с аналогичными нашим процессами внутри среды. Если эта ассимиляция произошла, то достигнуто состояние равновесия, от которого следует ожидать только малых изменений случайного характера. Это — аналогично и для других, только что упомянутых культурных ценностей. Например, торжественные церемонии и их оформление могут постоянно претерпевать малозаметные изменения, причина которых может лежать в совершенствовании используемых материалов, в случайных влияниях отдельных индивидов или же во влиянии культурных нововведений. Чем меньше интересуются достоверностью, тем менее активны обычаи, и тем меньше круг затрагиваемых лиц, но тем более велика вероятность такого рода колебаний. Наряду с этим возможен и еще один тип, а именно, — одна из длительных перемен, которая не знает только что упомянутого состояния равновесия.

Особенно характерно это для языков. Не хочется, чтобы происходили далеко идущие, захватывающие несколько поколений перемены, которые в течение индивидуального развития изменяют и часть артикуляции, либо, если она остается неизменной, в способе произнесения отдельных слов, благодаря чему меняется акустическое впечатление, которое служит следующему поколению примером их собственной артикуляции. В других культурных ценностях такой сдвиг принимается лишь во взаимосвязи с проходящими тенденциями развития. Особенно оживленно такой процесс будет проходить в таких обычаях, которые редко вступают в силу, например, редко применяемые штрафные санкции, колдовские обряды и т.д. Влияние аналогии и, вместе с тем, независимость единичного действия от общего состояния, здесь необыкновенно сильна. Подтверждается предположение, что возникновение культуры означает не пассивный застой, но продолжительное новообразование, точное повторение прошлого в настоящем.

Послесловие

Проблема культурных преобразований оформлена здесь в виде предварительных набросков. Более глубокие исследования возможны в том случае, если различные используемые методы будут развиты дальше, что в свою очередь также имеет предпосылкой целый ряд исследований. Особенно мы уделим внимание следующим трем методам:

1. *Метод сравнения.* Он возникает на историческом материале, пытаюсь абстрагироваться путем сравнения общих черт. Предпосылкой его возникновения является богатый исторический материал. Однако недостаток его ощущается до сих пор. Прежде всего, стоило бы рассмотреть отдельные культурно-исторические дисциплины, например, историю техники или медицины. Схематизм лежащих перед вами набросков мог бы стать текущим ориентиром для таких исследований, причем автор, конечно же, внес бы некоторые дополнения и изменения в описанном в предисловии действии перемены между историческим и систематическим образом познания.

2. *Метод массового наблюдения.* Его можно применить там, где культурные единства ограничены в пространстве. И так, с одной стороны, — по отношению к естественным народам, с другой стороны, — к тем, которые отличаются по уровню развития от нас, живущих в городах. Целый ряд наблюдений должен был бы быть посвящен механизму культурных изменений, значению лидерства, влиянию окультуривания, скорости перемен, способности восприятия ит.д. Один человек, конечно, не в состоянии проделать такую огромную работу, поэтому этим вопросом должна заниматься целая группа ученых или же их объединение⁶.

3. *Психологический метод.* Здесь рассматриваются, с одной стороны, экспериментальные исследования, с другой, — массовое наблюдение, например, при наблюдении за изменением языка. Материалом послужили бы те психологические процессы, в которых индивид находит что-то новое для себя, и при которых существенную роль играет время. Предмет — некоторые размышления о забытом, адаптация к новой ситуации или проявленной инициативе. Для массовых наблюдений благодатным материалом было бы изучение детской психики.

Перевод Н.А. Харитоновой

⁶ Идею о создании подобной организации автор выдвинул в работе, которая, вероятно, вскоре будет опубликована в журнале «Глобус». Для исследования механизмов изменения языка был бы продуктивнее опрос.